

правительству ничего не оставалось, как создавать видимость переговоров и попросту тянуть время, не соглашаясь ни на какие уступки [2, р. 10]. Через год и три месяца, 2 апреля 1982 г. Аргентина в ходе военно-морской операции «Розарио» оккупировала Фолкленды.

1. Beck, P. The Falkland Islands as an International Problem / P. Beck. – London : Routledge, 1988. – 211 p.
2. Bluth, Ch. The British Resort to Force in the Falklands/Malvinas Conflict 1982: International Law and Just War Theory / Ch. Bluth // Journal of Peace Research. – 1987. – Vol. 24, № 1. – P. 5–20.
3. Charlton, M. The Little Platoon Diplomacy and the Falklands Dispute / M. Charlton. – Oxford : Blackwell, 1989. – 230 p.
4. Freedman, L. The Official History of the Falklands Campaign / L. Freedman: 2 vols. – Vol. 1. – London : Routledge, 2005. – 253 p.
5. Hewer, C. J. The Falklands/Malvinas Dispute: a Contemporary Battle between History and Memory / C. J. Hewer // Global Discourse. – 2013. – Vol. 3, № 1. – P. 144–150.
6. Metford, J. C. J. Falklands or Malvinas? The Background to the Dispute / J. C. J. Metford // International Affairs. – 1968. – Vol. 44, № 3. – P. 463–481.
7. Question of the Falkland Islands (Malvinas). General Assembly Resolution 2065XX. – 1965. – December, 16. – P. 57 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/218/28/IMG/NR021828.pdf?OpenElement>. – Date of access: 13.02.2019.

ДАЛЕКОЕ ЭХО АФГАНСКИХ ГОР (К ЗАВЕРШЕНИЮ МИССИИ В ДРА 1979–1989 гг.)

С. В. Востриков (Смоленск)

Вот уже 40 лет не утихает конфликт в Афганистане, имеющий тенденцию к дальнейшему разрастанию. Актуализация данного факта побудила автора, – реального участника боевых действий на Ближнем и Среднем Востоке, – предпринять попытку рассмотреть специфические особенности конфликтного процесса в Афганистане в 1979–1989 гг.

Цель данной статьи – исследование соотношения и влияния внутренних и внешних факторов на ход вооруженной конфронтации в ДРА в контексте биполярной модели мироустройства. В работе вскрываются предпосылки, истоки, обстоятельства, влияющие на эскалацию конфронтации; последствия обострения противоборства США и СССР в регионе как для двусторонних советско-американских отношений, так и всей системы международной безопасности. Разумеется, позиция автора (который ставил перед собой достаточно скромную исследовательскую задачу) по затронутой проблематике не является завершенной и носит дискуссионный характер.

Именно сочетание **метода системно-интегративного и историко-политического анализа** (по мнению автора) амбивалентных факторов афганского конфликта в наибольшей степени позволяет охватить и исследовать

широкий спектр затронутых проблем, опираясь на критическое переосмысление разнообразных отечественных и зарубежных научных источников. Вхождение в 1979 г. советских войск в Афганистан прервало десятилетний период разрядки («детант»), способствовало росту международной напряженности и послужило катализатором резкого обострения двусторонних отношений между США и СССР. Обсуждения и споры относительно целесообразности и необходимости данного шага продолжают и по сей день, как среди ученых, так и внутри профессионального военного сообщества [9]. Вводу «ограниченного контингента войск» в соседнюю страну предшествовали драматические события, развернувшиеся на локальном, региональном уровнях, а затем и на общемировой арене. Известно, что добрососедские отношения между советской Россией и династией Надир-шахов существовали уже полвека (в 1921 г. между Москвой и Кабулом был заключен Договор о дружбе) – вплоть до 1973 г., когда монархия Захир-шаха (король находился в этот момент за границей) была упразднена его амбициозным племянником – генералом М. Даудом [17]. Смена власти создала благоприятные условия для активизации деятельности в городской среде интеллигенции, студенчества, разнородных движений и группировок левой ориентации, объединившихся в Народно-демократическую партию Афганистана (НДПА) светского типа во главе с Нуром Мухаммедом Тараки. Расширение и укрепление позиций НДПА в армейских кругах, в т.ч. среди генералитета, и в спецслужбах [15], позволили в 1978 г. отстранить от власти М. Дауда и провозгласить в стране Демократическую Республику Афганистан (ДРА). Но сама НДПА имела аморфную структуру: внутри неё шла постоянная межфракционная борьба между двумя крыльями – «хальк» («народ») и «парчам» («знамя»). Придя к власти, руководство НДПА провозгласило курс на «строительство в ДРА социализма». Это в условиях феодальной, мусульманской страны с подавляющим преобладанием крестьянского, неграмотного населения [15]. Форсированные «прогрессивные преобразования», ломка глубоко укорененных исламских традиций и устоев, тотальная «эмансипация» женщин, радикальная аграрная реформа, репрессии, атеизация и подавление оппонентов вызвали непонимание и возмущение афганского населения. Как отметил ученый-востоковед В. Н. Спольников, проработавший в Афганистане несколько лет, критически важной по отношению к новой власти стала позиция многомиллионной крестьянской массы: «Следует со всей откровенностью сказать, что основным фактором, способствовавшим созданию массовой базы контрреволюции и тем самым придавшим ей характер движения, угрожающего самому существованию Республики Афганистан, явилась, по существу, проигранная НДПА на том этапе битва за афганское крестьянство» [13, с. 19–20]. Радикализация «революционного процесса» НДПА только усугубляла общее положение дел. В ответ мусульманское духовенство выступило с призывом к «джихаду» (т.е. «священной войне»), который вскоре нашел широкий отклик среди различных слоев сельского населения в самых отдаленных регионах страны. Причем это затронуло не только гражданское население, но и

часть афганской армии: уже весной 1979 г. дивизия регулярной армии, дислоцированная в северо-западной части ДРА (на стыке границ Ирана и СССР), подняла мятеж и захватила город Герат; государственные чиновники, а также работники консульств соцстран были уничтожены. Для подавления мятежа пришлось перебрасывать части из других районов ДРА, с привлечением дополнительных сил, находящихся в приграничной полосе, и авиаподдержки сопредельной стороны.

Ухудшение внутреннего положения и нарастание негативной динамики осложнялись проецированием внутривосточной ситуации на резкую дестабилизацию общерегионального положения. Антишахская революция в Иране 1978/79 гг. под руководством аятоллы Хомейни буквально потрясла весь Ближневосточный регион – от Магриба до Машрика [19]. Победа «исламской революции» привела не только к ликвидации военного присутствия США в Иране, но и подрыву геополитических позиций Вашингтона во всем ближневосточном регионе, по которому прокатилась мощная волна «хомейнизации». Естественно, это не могло не затронуть соседнего Афганистана («гератский нарыв» четко обнажил тут влияние мощного внешнего фактора в виде «иранского следа». – Прим. авт.), где обострялась конфронтация между «светской (т.е. «безбожной»)» властью и многочисленными «джихадистскими» образованиями, которая сопрягалась с обострением внутривосточной борьбой за власть. Её апогеем стало убийство «соратниками по партии» основателя НДПА Н.М. Тараки (он первым направил в Кремль послание с просьбой о вводе советских войск в ДРА) и приходом к власти Хафизуллы Амина (Х. Амин являлся деспотичным властолюбцем и лицемером, но «агентом ЦРУ», как утверждала советская пропаганда, он не был. – Прим. авт.). Социальная база правящего режима стремительно сокращалась, а непредсказуемость Амина становилась все более опасной.

Советское руководство было поставлено перед крайне запутанной и сложной проблемой: соблюдая Устав ООН и придерживаясь норм международного права, наблюдать за неуклонным угасанием своих «идейных единомышленников» в ДРА или принять кардинальное решение, вмешаться напрямую, чтобы попытаться переломить развитие деструктивных процессов, и предотвратить приход к власти «исламистов», под контроль которых переходили все новые и новые провинции [3]. Принятие решения проходило в трудных дискуссиях, спорах, неодномоментно, с расхождениями и разногласиями, в процессе которых выкристаллизовались, выражаясь условно, три «группы (команды) интересантов», представляющих: а) военно-промышленный комплекс; б) партноменклатурную «элиту»; в) спецслужбы. Каждая из этих условных «команд» дробилась в свою очередь на подгруппы, имеющие собственное видение решения афганской проблемы (достаточно напомнить тот факт, что вначале Генсек Л.И. Брежнев не был сторонником ввода войск в ДРА, – на изменение его позиции сильно повлияло убийство его личного «друга – товарища Тараки»). «Реалисты/аналитики» из спецслужб просчитывали возможные риски и вероятные сценарии развития со-

бытий, но при общем рассмотрении ситуации они оказались «в меньшинстве». Нужно отметить, что негативную роль в развитии афганской драмы играли высокопоставленные «идеологические начетчики», сидевшие как в советском посольстве в Кабуле, так и в аппарате «политбюро» в Москве, которые имели весьма смутное представление об исламе, его истории, мусульманской культуре, этноконфессиональных сообществах [8]. Кремлевские «старцы» принимали «фэйк-депешы» из Кабула за чистую монету [11].

Заокеанские прагматики занимались этой тематикой (конфликтолого/геополитической) серьезно, глубоко и системно [23]. Так, характеризуя подход мэтра внешнеполитической стратегии США Г. Киссинджера к международным проблемам, американские эксперты отмечали: **«Религия Киссинджера – это геополитика, ее бог – баланс сил, ее догма – увязывание, ее вера – престиж, а верховный жрец – Соединенные Штаты, действующие в соответствии с сентенциями Г. Киссинджера»** [22]. Еще в 1960-е гг. в США была разработана теория «управления» кризисными процессами, которая в дальнейшем трансформировалась через «доктрину Картера» и «гибкого реагирования» в направлении широко понимаемой концепции «контролирования конфликтов» (исключающей прямое вовлечение актора в конфронтацию). В последней модели подразумевалось широкое применение манипулятивных технологий. Теоретические «изыскания» другого высокопрофессионального политолога З. Бжезинского носили отнюдь не абстрактно-академический характер: им была разработана **модель «дуги нестабильности»**, простирающейся от Сомали и Эритреи до Пакистана и Кашмира, а также **принцип «домино»** [20]. Иные варианты, методики и нюансы в различных концептуальных подходах при анализе любой конфликтной ситуации нивелировались их неизменной заточенностью на главное, т.е. на подрыв Советского Союза [14]. Будучи патологическим русофобом, З. Бжезинский одним из первых в США обратил внимание в своей работе «План игры» на потенциал «исламского фактора» и его возможности для ослабления и подрыва позиций Москвы в Центральноазиатском регионе. Им же была выдвинута идея задействовать исламский фундаментализм не только для ослабления советского влияния на Ближнем и Среднем Востоке, но и инфильтрации ячеек «политизированного исламизма» на территорию самого Союза [2]. З. Бжезинский не скрывал, что в Центральной Азии важно **устроить «афганский Вьетнам», чтобы истощить и обескровить Союз** (позднее он же разработал и сценарий «отрыва» Украины от РФ. – Прим. авт.) [21]. Втягивание в чужой внутривнутриполитический конфликт означало **попадание в своеобразную инверсионную ловушку** с далеко идущими последствиями [1]. Афганская проблема носила синтетический, полиаспектный и многослойный характер. Бесспорно, любые риски и угрозы следует отодвигать максимально дальше от порога собственного дома. Вопрос заключается только в следующем: каким образом? Арсенал средств для «разруливания» подобного рода ситуаций включает широкий спектр технологий и «инструментариев» (наряду с военными): политические, дипломатические, экономические, инфор-

мационно-психологические, специальные, финансовые (последние на Востоке наиболее эффективны). Как известно, история не знает сослагательного наклонения – она состоялась так, как состоялась: выбор был сделан в пользу силового варианта. Решения принимают политики, а не военные. Солдаты обязаны выполнять свой долг. Б.В. Громов совершенно справедливо указывал, что никаких оснований для разговоров о поражении нашей армии в ДРА не существует; военные честно и мужественно решали поставленные перед ними задачи. Но покидая Афганистан, вероятно, можно было (по мнению автора) «уходя, остаться» [2], т.е. сохранить опорные базы в Баграме, Шинданде, Мазари-Шарифе. Но для этого нужна была политическая воля.

Исследование истоков афганской драмы 1979–1989 гг. позволяет выделить (абрисом) несколько её **основных причин**: «многоуровневая некомпетентность» и коллаборационизм позднесоветской партноменклатуры и госбюрократии [4]; неспособность реалистично и адекватно оценивать расстановку сил, процессы, происходящие как в союзных республиках, так и в сопредельных государствах [16]; отсутствие научной системы целеполагания; незнание культуры ислама и недооценка роли «исламского фактора» [11]; дефицит надлежащей синхронизации инстанций, задействованных в ДРА (где армия, МВД, ГРУ, КГБ работали разобщенно; советское посольство в Кабуле действовало вообще отдельно и «само по себе») – единого координирующего Центра не существовало; политическая недалковидность: ввод войск был использован вашингтонскими русофобами и сторонниками «решительных мер» для свертывания разрядки и раскручивания антисоветской истерии: США объявили о бойкоте московской Олимпиады, приостановили ратификацию ОСВ-2; резко увеличили поставки вооружения Пакистану, откуда оно посредством «трансгранично-транзитивных» миграций [8] через «зону свободных племен» перебрасывалось на территорию ДРА; Исламабад развернул близ границы 130 центров по подготовке афганских боевиков из антиправительственных группировок; в СМИ была развернута масштабная пропагандистская кампания (которую Москва проиграла); воспользовавшись ситуацией, ЦРУ США фактически инспирировало подъем волны «исламистского бума», стимулировало через свою креатуру радикализацию всего мусульманского сообщества [16]. История существует не только для того чтобы её знать, но и извлекать из неё **уроки**, дабы в будущем не повторять ошибок и просчетов. Например, следующих:

- Недопустимо ни при каких обстоятельствах играть по правилам чужеземцев, – нужно иметь мужество жить своим умом [5];
- Не предавать забвению свое прошлое (под сурдинку о «гласностях и демократизациях» ценный афганский опыт, обретенный кровью и потом наших солдат, оказался невостребованным в перестроечные и постперестроечные времена; и всякий раз приходится все «начинать с нуля») [9];
- Особую роль при принятии ответственных решений такого уровня играет научно обоснованное долгосрочное прогнозирование;

➤ При выполнении заграничных миссий важно предусматривать максимальную опору на региональных союзников;

➤ Для достижения целей не следует жалеть средств на подкуп глав районов и агентуры в стане противника, ибо это сохранит жизни своих граждан;

➤ Принятие решений всегда должно исходить не из субъективистских или конъюнктурных соображений, а долговременных национальных интересов России;

➤ Наличие у властей стратегического мышления [10; 18].

Выводы. Канувшая было в лету дискриминационно-колониальная система ныне стремительно трансформируется [12]. Известно, что еще более двух столетий назад Британская империя стремилась к расширению своей экспансии в Центральной Азии через инспирирование мятежных войн по периметру южных рубежей России, – позднее, – аналогичную агрессивноподстрекательскую стратегию на Ближнем Востоке продолжили Соединенные Штаты. Оценка политики США на Ближнем и Среднем Востоке, данная американскими экспертами Дж. Шапиро и Р. Сокольски говорит сама за себя: «Девять лет американской оккупации Ирака не помогли выстроить там приемлемый для всех политический порядок – наоборот, они вдохновили создание ИГИЛ. **В Афганистане оккупация продолжается уже пятнадцатый год, а территория, контролируемая «Талибаном» только расширяется...**» [24]. Будучи ориенталистом по базовому образованию, автор берет-ся утверждать, что урегулирование в Афганистане сегодня маловероятно; состояние пролонгированного конфликтного процесса сохранится, и внешнее вмешательство только усугубляет ситуацию. Вашингтоном в настоящее время предпринимаются попытки реанимировать неоколониальные порядки в глобальном масштабе [7]. Российская Федерация не приемлет единоличного гегемонизма какого-либо актора, который использует право силы [5]. Отсюда и противостояние англосаксов (рецидивы идеологии расизма тут налично. – Прим. авт.) с Россией, которая отвергает любой внешний диктат. Она, будучи самодостаточным государством, всегда воспринималась атлантистами не просто как конкурент, а как главный геополитический противник, которого надо «удушить» (для чего из шкафа извлекли доктрину «Анаконда» адмирала А. Мэхена) – посредством глобальной «паутины», «гибридных войн», санкций и т.п. Из этой данности и нужно исходить в условиях турбулентного и непредсказуемого мира. Отсюда – оптимальная формула модернизации для России: «Самоусиление через самопреодоление». Эта модернизация обречена на успех, ибо, «если не мы, – то нас». Иного не дано.

1. Афганская ловушка [Электронный ресурс] // Сайт «Мы и мир». – Режим доступа: <http://weandworld.ru>. – Дата доступа: 26.01.2019.
2. Амелин, В. В. Этнополитические конфликты в границах советской и постсоветской государственности, вторая половина 80-х – середина 90-х годов: Опыт исторического исследования: дис. ... д-ра ист. наук / В. В. Амелин. – М., 1995. – 368 с.
3. Афганская война: как это было / Сост. Н. В. Платонов. – М. : Пранста, 1993. – 260 с.

4. Бешлосс, М. Измена в Кремле: Протоколы тайных соглашений Горбачева с американцами / М. Бешлосс, С. Тэлботт. – М. : Алгоритм, 2012. – 352 с.
5. Брычков А.С. Проблемы национальной безопасности России в условиях глобализации современного мира: Монография / А. С. Брычков, С. В. Востриков, В. В. Зайцев. – Смоленск : ВА ВПВО ВС РФ, 2014. – 360 с.
6. Востриков, С. В. Анатомия ближневосточных конфликтов: внутривосточные и региональные факторы хаотизации и дестабилизации / С. В. Востриков // Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории: сб. ст. по материалам XLVIII Международной научно-практической конференции «Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории». – № 3 (43). – М. : Изд-во «Интернаука», 2016. – С. 131–144.
7. Востриков, С. В. Ближневосточные трансформации в контексте глобализации (опыт системно-интегративного анализа) / С. В. Востриков // Проблемы безопасности российского общества. – 2016. – № 1. – С. 68–106. – № 2. – С. 82–100.
8. Востриков, С. В. Россия на фоне миграционных трансформаций / С. В. Востриков, П. В. Летуновский // Этносоциум и межнациональная культура. – 2018. – № 9. – С. 9–17.
9. Грюнебаум, Г. Э. фон. Классический ислам. Пер. с англ. И. М. Дижур / Г. Э. фон Грюнебаум. – М. : Наука, 1988. – 216 с.
10. Кокошин, А. А. Стратегическое управление. Теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России / А. А. Кокошин. – М. : РОССПЭН, 2003. – 528 с.
11. Марчук, Н. И. Война в Афганистане: истоки, сущность и уроки (декабрь 1979 – февраль 1989) : автореф. дис. ... д-ра полит. наук / Н. И. Марчук. – М., 1993. – 45 с.
12. Медведева, И. Логика глобализма / И. Медведева, Т. Шипова. – М. : Храм Трех Святителей на Кулишах, 2002. – 112 с.
13. Миронов, Л. Афганистан. Накануне / Л. Миронов, В. Спольников // Азия и Африка сегодня. – 1989. – № 12. – С. 2–9.
14. Модестов, С. А. Геополитика ислама / С. А. Модестов. – М. : Молодая гвардия, 2003. – 192 с.
15. Россия в глобальной политике / под ред. Ф. Лукьянова. – М. : Эксмо, 2015. – 384 с.
16. Топорков, В. М. Геополитическое противостояние США – СССР в условиях афганского вооруженного конфликта 1980–1989 гг. / В. М. Топорков // Вестник Чувашского университета. – 2006. – № 7. – С. 49–60.
17. Федоров, В. А. Армия и авторитаризм в условиях капиталистической модернизации на Востоке / В. А. Федоров // Политические отношения на Востоке: общее и особенное. – М. : Наука, 1990. – 200 с.
18. Широин, В. КГБ – ЦРУ. Секретные пружины перестройки / В. Широин. – Режим доступа: <http://makeyev.msk.ru>. – Дата доступа: 27.01.2019.
19. Хейкал, М. Х. Мадафи' аятолла, кадьят Иран ва ас-саура / М. Х. Хейкал. – аль-Кахира, 1988. – 285 с.
20. Brzezinski, Z. Power and Principle. Memoirs of the National Security Adviser, 1977–1981 / Z. Brzezinski. – L. : Farrar Straus & Giroux, 1983. – 587 p.
21. Conflict Management in the Middle East / Ed. by G. Ben-Dor and D. B. Mass. – Cambridge (Mass.) : Lexington Books, 1987. – 323 p.
22. Hoffmann, S. Dead Ends. American Foreign Policy in the New Cold War / S. Hoffmann. – Cambridge : Ballinger, 1983. – 309 p.
23. Mingphi, J. Boundary studies in political geography / J. Mingphi // Annals of the Association of American Geographers. – 2005. – Vol. 53 (3). – P. 407–428.
24. Shapiro, J. America's Core Middle East Interests Are Already Secure [Electronic resource] / J. Shapiro, R. Sokolsky // The National Interest. – June 30, 2016. – Mode of access: <https://nationalinterest.org/feature/americas-core-middle-east-interests-are-already-secure-16805>. – Date of access: 27.01.2019.